

ГЮЛЬШЕН ТОФИКГЫЗЫ

С к а з к и д л я в з р о с л ы х

Волос Кронида

Который день не в духе Громовержец. Заперся у себя, тучами обложился. Никого к себе не впускает.

– Позор! – теребя божественную бороду, размышляет Кроныч. – Мало было интриг на Олимпе, так теперь и вовсе не поймешь, боги людьми управляют или люди богами. Аполлон, стервец, из Гериной опочивальни не вылезает. Гефест, хромоу черт, себе ортопедический ботинок выковал. Теперь с нимфами в вертепе у Орфея пляшет. А тот что придумал, петух безголосый! Арфа у него модернизованная, электронная, а сам под «фанеру» поет. Вон как его фурии с острова Силен подраживают:

*Орфей Сладкозвучный,
Скрипит твоя арфа.
И голос фальшивит,
И сам ты не тот.
Те песни, что прежде
Богов восхищали,
Теперь даже в банях никто не поет.*

Одиссей сына своего к новому походу готовит. На субмарине. «Арго-2». Если не врут, уже с Посейдоном договорился, за 50 процентов Золотого руна. А этот старый дурак и купился! Не даст он тебе ничего! Ни руна, ни хрена! На то он и Хитроумный. Но доступ к морским недрам получит и тебя, краба старого, проучит. Гляди-ка, стихами заговорил. Хандра располагает к поэзии... Арес – Бог войны! Мелкими интригами междоусобиц увлекся, деревеньки стравливает, с прохвостом Гермесом пари заключает. Прометей интуристам позирует. Пегас, простая скотина, а туда же: крылья каким-то херувимам с соседних небес на плюмаж выменял. Осел, а не жеребец! Пасется, вон, теперь с кентаврами – один хвост сзади, другой на голове. Артемида, дрянная девчонка, с браконьерами снюхалась. Они ей за рог Единорога карабин подарили и нахлобучку ночного видения. А эта безмозглая вертихвостка отдала им колчан со священными стрелами! Тем нынче только и занимается, что по ночам подглядывает, как эти ничтожные человеческие существа совокупляются. Хотя, надо сказать, фантазии на этот счет им не занимать... Атланты, и те оборзели. Не хотят больше «за просто так» небесный свод поддерживать. Едва справляюсь. Весь свод в озоновых дырах. Вот оно, непослушание, вольнодумство! Ни к чему хорошему не приводит...

В покои, с шумом отбиваясь от стражников и гремя доспехами, ворвалась Афина.

– Что происходит? Что за хандра? Ты же – Зевс! Отец богов!

– Отец кретинов я... – сверкнул на нее глазами Кронид, нервно наматывая на палец волос из бороды.

– Отец, – уже мягче продолжала Паллада, – не к лицу тебе, венцу Олимпа, такое бездействие. Ты знаешь, что творится внизу?

– Думаю, не хуже того, что творится наверху...

– И ты так спокоен?!

– Как и полагается олимпийцу...

– Словами играешь. А детки твои, Дионисием напоенные, тебя старой периной называют. Никчемной. Хочешь повторить судьбу своего отца?!

– История повторяется в виде фарса...

– Вот уже словами человечешек заговорил. Встряхнись, Зевс, раздвинь тучи, сбрось им пару дюжин молний, – со слезами в голосе промолвила воительница. – Ведь все рухнет!

– Уже рухнуло... Что ты предлагаешь, любимая дочь?..

– Сократи сонм богов. Разведись с Герой. Покарай...

– Прекрати, – прервал ее Зевс. – Какой толк сокращать это сборище голых натурщиков? Де-факто они давно уже не боги...

– Вот именно!

– Ты-то о чем тревожишься, рожденная отцом? Твое имя столицей увековечено будет.

– Мне за судьбу Олимпа страшно.

– От судьбы не убежишь. Даже на олимпийских высотах. Сегодня ты на вершине, завтра – у подножия...

– Расчувствовался! Вот оно, твое уязвимое место, пята Ахиллесова. Тебя сейчас самый раз посадить к Диогену в бочку.

– А Диогена – сюда... Знаешь, Ахиллес-то не потому умер, что стрела в уязвимое место попала, а от заражения крови. Просто стрела была грязная... Напридумывали – полубог! Полубогов не бывает. Либо ты Бог, либо человек...

Проведя ночь на заброшенном складе, заваленном пустыми коробками, ящиками и разохшимися бочками, старый бомж проснулся от шума подъехавшего грузовика. Старик потянулся, и с его груди сползла потрепанная книжница «Мифы древней Греции», которую он подобрал недавно на свалке. Он не читал выброшенных газет и журналов, как это делали другие бродяги. Но любил выискивать на свалках книжки и с упоением зачитывался ими. Среди своих, таких же неприкаянных, его называли Диогеном. За философский склад ума и любовь спать среди ветхих бочек.

– Приснится же такое! – Диоген почесал грязную бороду и с улыбкой подумал: «А ведь если помыть, засеребрится и зачучерявится. Точь-в-точь, как у Зевса».

Зацепившийся за ноготь длинный седой волос оторвался со странным серебряным звоном.

История, не вошедшая в библию

Кто не знает, что произошло с Адамом и его подружкой, когда, нарушив запрет, они вкусили от древа Познания? Вот именно. Ну, не будем очень уж строги к нашему праотцу. Нам ведь известно, что он лишь проявил слабость, и поступок его не был таким уж осмысленным. Господь, изгнав его из рая, тем не менее, не оставил его своим вниманием и заботой, и то, что случилось с Адамом и его многомиллиардным потомством впоследствии – результат все той же неосмотрительности.

– Будь человеком, Адамушка! – вздохнув, промолвил Господь и велел стражникам препроводить бескрылую парочку, едва прикрытую фиговыми листьями, к выходу.

Но увидев искреннее раскаяние, сожаление и слезы в глазах Адама, стыдливо склонившую голову обескураженную Еву, Господь решил смягчить наказание ослушникам. Господь суров, но милостив!

И он позволил ангелам принести Адаму напоследок дары с пользой для земной жизни. Но с условием, чтобы они уместились в ладони Адама. Господь, сказав это, первый вложил в ладонь Адама пшеничное зернышко. Обрадованные ангелы, поняв намек, добавили к этому пару дюжин иных семян. Один дал хлопковое и льняное семечко: не вечно же прикрывать срам шершавым и жестким листом смоковницы – так и без потомства остаться недолго. Господь окинул ангела одобрительным взглядом и похвалил его усердие в делах богоугодных. Другой ангел преподнес Адаму чайное семечко: и жажду утолит, и бодрости даст.

– Неплохо, – произнес Господь. – Полезный дар.

И другие ангелы вложили в ладонь весьма полезные семечки, зернышки и колючки: кто оливковое и гранатовое, кто кукурузное и кедровое, а кто и кориандровое. Дошла очередь до падшего Ангела. Ничего не поделаешь, слово Господа – Закон, и даже Он сам не в силах его отменить.

– Зря ты это затеял, Боже, я ведь убедил тебя, что человек слаб, ничтожен и в желаниях низменных неудержим, – начал было Ангел.

Но Бог гневно пресек его:

– Ты снова перечишь?!

– Нет, Господь, я всего лишь предостерегаю.

– Ну, все, завершайте. Давай свои напутственные дары, но не забывай об условии: чтоб уместились в ладони! – раздраженно произнес Создатель, спеша вернуться к своему Божественному промыслу.

Покорно склонив голову, пряча улыбку и огоньки в глазах, черный Ангел положил в ладонь Адама крошечное виноградное семечко. Господь спохватился было, но поздно! Придется теперь новую армию противоборствующих ангелов создавать. И неизвестно еще, что из этого выйдет. Неугомонен Сатана!

– Не гневись, Боже, ты думаешь, извлеченное из виноградного зерна не будет извлечено Адамом из пшеничного, которое ты сам ему дал? – с усмешкой спросил падший Ангел.

Догнав греховную парочку у небесных ворот, смерив долгим, задумчивым и нежным взглядом Еву, он украдкой добавил в ладонь Адама неприметные маковое и табачное зернышки.

– Я, собственно, всего лишь выполняю указ Господа Бога. Разве вы что-нибудь против этого имеете? – сказал он в ответ на укоризненные взгляды препровождающих ангелов. – А что окажется сильнее – воля или желание – покажет время.

Так до сих пор с переменным успехом и продолжается эта борьба в сути человеческой.

Дорога в рай

Взмыленные архангелы завалили Господню канцелярию документацией по раю. Нет, с этим надо что-то делать! Закон о том, что души погибших на войне солдат препровождаются в рай на льготных условиях, явно устарел. Войн на земле становится все больше, в раю переполнены все закоулки, а души истинных праведников мыкаются пред райскими вратами, моля о вымученной тяготами земной жизни награде – хоть самом захудалом местечке в райских кущах! Святые Апостолы рвут в смятении бороды, готовя предложения по расширению пределов рая за счет преисподней.

– Ну уж нет! – отчаянно сопротивляются служители последней. – А нам своих куда девать? Который век дополнительных котлов не допросимся! До того дошло, что иных праведников, временно размещенных в аду, до сих пор не обеспечили райской благодатью. А ведь содержание дополнительных душ не учтено ни в одной разрядке. Условия стали воистину адскими!

Ну вот, еще один батальон прибыл! Красавцы, молодцы, такие на земле, небось, ни одной юбки не пропускали, грехов за их душами не счастье. А все сюда же, в рай! Устарел Закон, ох, устарел! Уговаривать этих жеребцов обождать? Чревато – морпехи! Вмиг райские врата разнесут, архангелов, как кур, ощиплют. А дамочка эта с ними – кто? Вот вам и здрастье! Армейская, говорят, безотказница, прости, господи. А куда деваться? И она голову на поле брани сложила, не покидала девка своих орлов, по совести сказать. Вот и случился нонсенс. Праведные души усопших монахинь в рай никак не попадут – мест нет. А блудницу, хочешь – не хочешь, брать придется. Вот и внушай людям после этого отрешение от мирской суеты и благочестие! Жалко монахинь. Сидят, бедняжки, не ропщут, мольбой в глазах апостолам сердце разрывают, а внушить им временно души их в овец или кур переселить – язык не поворачивается. Вон как усердно молятся, невесты Христовы. И тут усердие свое Господу явят. А блудница глазами златокудых архангелов пожирает. Так и горит, чертовка, так и кипит, бесстыжая! Знает, что ей место в раю обеспечено. Ну где она, справедливость? Нет, надо Закон менять! Незамедлительно!

Пока Апостолы ломали головы, не зная, куда определить благочестивые души монахинь, сержант, посоветовавшись с товарищами, подошел к удрученным монахиням и предложил им примкнуть к колонне морпехов. Они, мол, того, как бы сказать... Ну, вроде той блудницы, армейские ублажительницы, на войне погибшие. Ужас охватил чистые души монахинь. Господи, где же справедливость твоя! Всю жизнь в молитвах и лишениях, мужей не познавши, чрева своего не осквернивши, а в рай – на правах погибших в бою блудниц?

– Ну, как желаете, тетки, – обиделся сержант. – Мы хотели, как лучше. Уж до того больно на страдания ваши смотреть. И нам совестно. Мы ведь греховно жили, а в рай по дополнительному военному списку попадаем. Вот и хотели хоть как-то справедливость восстановить, и ваши достойные души в рай протаскать.

Монахини морпехов поблагодарили, повздыхали, покрестились, да к строю и примкнули – уж больно в рай было охота. Веди после этого праведную жизнь!

– Ну что, сестрички, кто из нас правильнее жил? – подмигнула им блудница и пошла примерять белые одежды в райском предбаннике. – Эй, ясноокий, – подозвала она молодого серафима, – помоги, белокрылый, застежки на спине открыть!

Щенки Цербера

Черты – близнецы Цепкий и Зоркий – скучали у входа. Зоркий, вытянув копытца и заложив руки под бритый затылок, дремал. Время от времени он отмахивался кнутовидным хвостом от досаждавших ему мух – адушниц. Цепкий сосредоточенно выковыривал серу из-под ногтей заточенным зубом недавно поступившего никчемного дантиста.

Этому, с позволения сказать, стоматологу было назначено удаление зубов «вживую». Предварительное наказание. Скучная работенка. Цепкий выщелкал ему зубки, как фишки, а затем проводил в «паленку», где дантиста оформили по всем правилам и определили в «мучительскую» – удалять зубы своим бывшим коллегам. Поскольку в аду особые правила на этот счет, то удаление зубов предусматривается адское. Скукота! Мелочевка пошла. Никакой фантазии, никакого творчества!

С тех пор, как в связи с изменением условий жизни на земле и с учетом динамики этих изменений были скорректированы Заповеди, греховный реестр был довольно основательно пересмотрен. А между адом и раем создан некий фильтрационный центр, где души усопших распределяются уже по Новому Своду.

Но ходят слухи, что и там кое-кто стал брать откупное. Ведь хватило же ума привлекать к работе души «имеющих опыт организаторской работы бывших руководящих чиновников».

Все, как всегда, до конца не продумано. Сами небожители не укладываются в график, к Новому Своду привыкают медленно, как к новому алфавиту, путаются. А чиновничьи душонки своего не упустят!

Цепкий посмотрел на экран, где обеззубленные новеньким бывшие зубные врачи со слезами зализывали цельнозажаренную ароматную тушу жирненького барашка, не имея возможности откусить хоть самую малую малость. Кстати, такое предложение первым сам Цепкий и вынес недавно на шабаше. Начальство сочло его дельным. Сейчас это новшество проходит испытание. Результаты неплохие, и Цепкий ждет повышения по службе. Ему об этом шепнули на ушко за пригоршню золотых коронок.

Дежурство проходило тихо, вяло, тоскливо. Цепкий переключился на другой экран. Там шла очередная дискуссия на совещании небожителей: «Кто более виновен в нарушении Заповеди «Не убий» – судья или палач? Стрелец или оружейник? Главкомандующий или солдат?» Да первый, первый! Сколько же можно об этом твердить? Лучше бы «Алчностью» занялись – вот где собака зарыта. Все от нее! Да, о собаке. Начальство пожелало завести щенка трехголового Цербера, а суку подходящую найти не могут. Надо заглянуть в пекло, к ядерщикам. Может быть, знают, где после испытаний завелись трехголовые пит-бультерьеры.

Зоркий приоткрыл глаза, потянулся.

– Слышал, о чем говорят ребята из «скорняжной»? На семинары правителей земных стали приглашать. Делиться опытом по массовому удушению народов и шкуродерству. Говорят, особо радевших и преуспевших к нам в штат зачислять будут. Мы, мол, какие-то инфантильные стали, нерасторопные. У них учиться должны.

– А почему бы и нет? Вон, посмотри, как дантист над своими измывается. Аж мне страшно глядеть! Зубных врачей потому дантистами и называют, что они, как Данте, до девятого круга ада пациентов доводят. Будем мы у них еще учиться!

– Еще говорят, что особо отличившимся «штатным грешникам» бесовские регалии будут присваивать.

– Рога, что ли? Так ведь они и сами друг друга рогами частенько украшают. Власти и корысти их мерзкие души жаждут, скажу я тебе.

– Ты тише, тише! Услышит кто – влетит...

– А кто, кроме нас с тобой, тут есть?

– Да эти тварюги, адушницы. Не дали поспать. Прямо в ноздри лезут!

– Думаешь, донесут? – усмехнулся Цепкий. – Хотя, если в них души тибетских монахов, нарушивших табу убивать всякую живность... Тогда прихлопнувший муху освободит душу бедолаги.

– То есть, доброе сотворит?

– Вроде того.

– Искушаешь, дьявол?

– Тебя такой мелочью не проймешь. Помнишь Хитрющего? Он своего напарника уговорил френч диктатора примерить. Напарника за это в пекло перевели. Теперь он своим хвостом мздоимцам пятки щекочет по сорок дней, прежде чем в котел с кипящей смолой опустить. Зато самого Хитрющего тотчас повысили. Сейчас он в группе надзора за транспортировкой наркотиков. Какие пути подсказывает! Такой выдумщик, черт. Он дослужится еще, вот увидишь.

– Как сказать, – зевая, продолжил Зоркий. – Образцовую троицу – Лихого, Ловкого и Увертливую – помню, к монахам-прелюбодеям приставили. А за что? Они же не знали, что настоятель – трансвестит. На них сейчас смотреть жалко: не знаешь, кто кого имеет – они монахов или монахи их. Да-а, нашего брата порой за недогляд хуже карают, чем кардинала за проституцию. А еще мне случай рассказали. Один при жизни все стремился в Историю попасть, да так ничего выдающегося и не совершил. Помер от воспаления легких. Так убивался, придурок! Его в «фильтрушке» пожарили, что, мол, гордыня и тщеславие – грех. Вернули на землю тараканом библиотечным, чтоб в учебнике истории пожил.

– Ну, шутники – мудродои! И в «Историю» вроде вошел, и наказание получил. Так, что ли?

– Так-так, да как бы не так! Этот таракан заполз в электрическую розетку, устроил короткое замыкание, библиотека сгорела. Вот как он в историю вошел! В «фильтрушке» облом: кто виноват, таракан-пиротехник или они сами? Спорят еще, считать ли его самоубийцей.

Разговор их прервал бес потрепанного и удрученного вида. На его левом роге была свежая зазубрина, а глаз заплыл и потускнел.

– Плохие новости, ребята, – не дожидаясь вопросов, начал он. – Душегуб серийный поступил. Он водителей иномарок в бетон закатывал, а машины их на запчасти перепродавал. Дали ему тогда за троих покойников восемь лет. Видел я тех покойников. Статуи бетонные – хоть в городском парке выставляй! Душегуб в тюрьме помер, а здесь, в «фильтрушке» хвалился, что тридцать восемь мертвецов за ним. Проверили – так оно и вышло. В комиссии один головой покачал и говорит: «Ну, ты дьявол!» И все! Начальство его в охапку – и сюда. Будет теперь молодняк душегубству обучать.

– Значит, правильно ребята из «скорняжной» про «штатных грешников» говорили. Так ведь это для людишек подарок получше райских куш. Если и дальше так пойдет, на земле ни одного праведника не останется.

– Вот! И я так сказал. И получил... – потер бес поврежденный рог. – Шеф как заорет: «Идиот! Вот в чем и мудрость начальства! Гениально! Забыл, олух, какова конечная цель? Не в аду тебе работать, а в Австралии, на ферме по разведению сумчатых бегемотов». Я говорю: «А разве такие есть?» Он: «Будут! Когда ты им сумки начнешь пришивать, бумеранг тебе в задницу». Вы же знаете, шеф как чего пожелает, сразу сбывается. Теперь и глаз не раскрою, и сесть не могу...

– Похоже, действительно плохи наши дела. Безработицей пахнет. Пошлют нас всех скоро к чертям собачим, – окончательно проснулся Зоркий.

– Хорошо собак напомнил, – спохватился Цепкий. – Где бы достать эту сучку-мутантку для Цербера? Надо угодить начальству. Самое время...

«Око за зуб»

Старый бес по имени Зеловед с интересом наблюдал за парочкой мальцов – рыжим чертенком и ясноглазым херувимчиком, которые возились неподалеку. У чертенка уже проклюнулись сизые рожки, и херувимчик упрашивал его дать их примерить, предлагая взамен едва отросшие крылышки.

Зеловед расхохотался, представив себе, как будет выглядеть рогатый херувимчик и чертенок с ангельскими крылышками.

Серафим, выглянувший из разверзстых облаков, схватил несмышленого херувимчика за шиворот и стал затаскивать внутрь, выражая свое возмущение звонким дрожанием роскошных серебристых крыльев.

Растерянный херувимчик хлопал круглыми глазками и не мог самостоятельно взлететь, так как держал отстегнутое белоснежное крылышко в пухлой ручонке.

– Расселся тут, облака коптить! – тихонько ворчал серафим, косясь на пятно сажи под ногами Зеловеда. – Развели демократию! Так и норовят чистые души грехом обаять.

– Каждому свое. Почирикай мне тут! – незлобиво ответил Зеловед. – Спасибо скажи, не до тебя мне. А то доложил бы архангелам, как ты за своими пупсами приглядываешь. Надавали бы тебе по кучерявому загривку, пуховик недостеганный! Не уразумеете никак, что в одной упряжке скачем, – вздохнул старый бес.

Пролетавшая мимо душа новопредставившегося с изумлением оглянулась на их перепалку.

– Эй, вислоухий, – поманил Зеловед рыжего чертенка пальцами с длинными, почерневшими, но аккуратно подпиленными и ухоженными коготками, – поди сюда. Ты почему не дал ему рожки примерить?

– Х-ха! Такие рожки, да к его недозрелому кочану?!

– Плохо, видно, у тебя дела с «Искушением» обстоят, если недопонял. Как зовут тебя?

– Пока Пачкун... – угрюмо потупил чертенок малахитовые глазки с поперечным кошачьим зрачком.

– Это за что же? – рассмеялся Зеловед.

– А ни за что! – вскипел чертенок. – Памперсы бракованные помог на линию запустить. Сработало по высшему баллу! Представляешь, кому какие убытки?!

– Пока, вижу, ты сам в убытке, – ухмыльнулся Зеловед. – Не повезло с именем-то. Ну, не унывай, сменишь еще. Ты смысленый: хоть рог и не дал пучеглазому херувишке примерить, но и от его цыплячьего крылышка отказался. Молодец!

Зеловед с интересом разглядывал рыжего чертенка. Кого-то он ему здорово напоминал!

– А кстати, что ты один тут делаешь? Удрал, небось, без спросу?

– Не-е, наставник знает. Я говорил ему, что с херувишкой познакомился, встреча у нас назначена

– А кто твой наставник?

– Стоум.

– Ого! Еще тот дьявол! Ты ко мне перешел бы?

– Не отпустят.

– Отпустят. Скажи, Зеловед просил к нему зачислить.

– Так ты Зеловед? – с восхищением уставился на него чертенок. – Стоум о тебе много рассказывал. Говорит, ты один тысячи тысяч бесов стоишь.

– Преувеличивает. Хотя слышать приятно. Просто участок у меня был всегда сложный: духовники, религиозные деятели, теологи разных мастей. Они-то, по сути, и есть наши главные сподвижники. Ведь все верят в Единого Бога. Но, пытаясь теоретически обосновать Веру религией, эти слепцы Веру раскололи. Вера людей объединяла, а религия разъединила. Пока люди спорят, чье слово истинно, только и успевай охапками грязные душонки в чистилище сбрасывать. В сущности, наша миссия санитарная. Истребляя волков, люди на земле обрекают на болезни свой скот, а себя – на убытки и голод. Вот и мы: лишь слабые духом поддаются искушению или не могут вовремя совладать. Отсеивая слабых духом, мы даем человечеству шанс на поколения достойных людей. И потому, дружок, почет нам и уважение. Жаль, не все это понимают. А недомыслие того серафима, который презрел тебя и увел херувишку, обернется для него тем, что он «потеряет око за зуб», когда придет время. Ну, заговорился я. Это для тебя еще сложновато.

– Нет-нет, мне интересно. Я и сам недавно думал: если души праведников попадают в рай, то почему в «Завете» записано, что «в Последний День они воскрес-

нут из мертвых, и тела их обретут плоть». Что-то концов не свяжу...

– А ты действительно умница! Поверь мне, скоро тебе имя сменят. Смотри-ка, кажется, наша беседа еще кое-кого заинтересовала, – пригнулся к уху чертенка Зеловед, глазами указывая на кончик беленького крылышка, выглядывающего из-за краешка облака. – Если он просто любопытный, то будет нашим клиентом. Если же любознательный, станет нашим коллегой. И тогда ему не нужно будет у тебя рожки кланчить – свои отрастут.

Чертенок оглянулся и тихонько свистнул. Из-за краешка облака тотчас выглянул провинившийся херувимчик. Рыжий чертенок что-то бросил ему. Ангелочек схватил на лету и скрылся за облаком.

– Что ты ему дал? – обеспокоено спросил Зеловед.

– Да так, ерунда. Яблочко у меня тут завалялось. Угостил дурашку.

Теперь уже Зеловед с восхищением посмотрел на чертенка. Он довольно хлопал рыжего по плечу.

– Имя тебе сменят гораздо раньше, чем я думал, – с улыбкой произнес старый бес, блеснув малахитовыми глазами с поперечными кошачьими зрачками.

О чем базар?

– Неправедно живешь, – увещевал благоликий старец в белых одеждах, присев на край кровати Гоши, – укроти алчность свою, подумай о душе. Ведь кипящие котлы уготованы тебе, если не свернешь с пути греховного!

– Какие такие котлы? – зевая и потягиваясь, спросил Гоша.

– Адские! Жар нестерпимый и пекло! О прохладе взмолишься, но будешь брошен во льды обжигающие!

– Типа сауна... – Гоша положил руки под голову и уставился в потолок. Он с интересом стал разглядывать недавно приобретенный светильник. Что-то в нем не нравилось. Надо купить другой. Голубого хрустала, с подсветкой. – И что еще там такого «нехорошего»?

– Смрад, вопли душераздирающие, хохот дьявольский! – продолжал старец, ужасаясь каре, уготованной Гоше.

– А ты, дед, на балдежках, в дискотеках или злачках бывал? Нет? Так сбегай! Напугал, блин! Что я, хохота и вопля адского не слышал? Смрада не нюхивал? Да в твоём аду, поди, так не накурено да не надымлено!

– Он не мой! – испуганно замахал руками старец. – Я в сияющих райских куцах обитаю. Хочу, чтоб и твоя душа той благодати удостоилась, когда призвана будет.

– Ну и что там еще такого потрясного? – скучающим голосом спросил Гоша.

Лицо старца просияло, оживленное надеждой.

– Плетущие венки сказочные девы будут возлагать их тебе на голову, осыпать лепестками роз под пение ангелов. Будешь вдыхать аромат райских садов, наслаждаться покоем, умиротворением и любосозерцанием...

– Скукота! – перебил его Гоша. – Телок улетных и здесь навидался. Цветочки-лепесточки твои мне по фигу: недавно груз пришел из Голландии, розы, лилии, прочая растительность. А что, дед, не приворовывают ли твои ангелы из самолетов те розочки?

– Что ты такое говоришь?! – снова замахал руками перепуганный и удрученный кощунственными речами Гоши старец. – Цветы райские не чета земным, трава райская шелком стелется...

– Трава, говоришь? – ухмыльнулся и переспросил Гоша. – А много травки-то, дед? На дурь тянет?

- Ты о чем? – удивленно заморгал старец.
- Покуриваешь, небось, ту травку в раю-то? – хитро прищурившись, повернул Гоша голову к старцу. – А как у вас в раю с водярой?
- Старец, чуть не плача, вскочил с края кровати, но тут же, спохватившись, снова сел.
- Бесстыдство и беспутство твое все грани пресекло! Я чист и душой, и телом!
- с укором в голосе промолвил он.
- Ха! Девственник бородатый! Уморил, дед.
- Да вострепещет душа жадных до зелья всякого! В аду то зелье им бесы в горло сами заливать будут до потемнения очей!
- Круто! Так мне твой рай тем более по барабану! В аду как будто привычнее...
- Крамольны речи твои! Не ведаешь, чего жаждет гибнущая душа!
- Отчего же – гибнущая? Если в раю ни навороченных тачек, ни крутых жрачек, ни телок-метелок, ни зелья-водяра – о чем базар?
- Ты стихи слагаешь? – ухватился старец за искорку надежды. – А ты знаешь, что поэты на особом счету? Им и грехи по смерти отпускаются. Часто ли стихи слагаешь?
- Бывает... – уныло протянул Гоша, – когда шнурки в стакане.
- Что? А зачем бечевки в сосуде держать? – не понял старец
- Ну и дремучий ты, дед! Да когда предки, тьфу, родители из деревни заваливаются погостить. Приходится чаще дома бывать и с ними морочиться. Особо не разгуляешься. Вот тогда от скуки по вечерам и приходит баба крылатая. То есть, Муза. Так, что ли, ее зовут?
- Она, она! – обрадовался обескураженный было непочтительными сыновними речами старец. – А не прочтешь ли ты чего-нибудь из того, что сотворил?
- Что творил, того не прочтешь, то видеть надо! – снова потянулся Гоша. – А стишки присочинял. Так и быть, слушай:

*Тратят деньги по б...м
Кореша и там, и сям.
Я ж, клянусь папахою,
Даром телок трахаю.*

*Сам, как новый карбюратор, –
С полною зарядкою.
Х... стоит, как император,
Баб курочу всмятку я.*

*А вчера козел босой
«Мерсюку» на зад вскочил.
Я, от злости сам не свой,
Педераста замочил.*

- Прекрати!!! – старец, зажав уши и зажмурив глаза, тряс головой.
- Сам напросился!
- Я о стихах говорил, а не об непотребном дьявольском чтиве!
- Так выходит, в аду меня лучше поймут? Ну, дед, ты меня вконец достал!
- Давай кончай базар. Мне на «стрелку» пора. Опоздаю – обрекут меня братаны на твою райскую жизнь. Крапленая колода твой рай!

«Никогда не совершу греха...»

Афганское ущелье только внешне напоминало Курбану родные места. Нельзя сказать, что он был трусом. Бывало, дремал в горах под вой шакалов, сопровождавших отару, отсасывал яд из укушенной змеей ноги (той самой, которую оставит потом в Афганистане) – на это нужна отвага.

Но отвага отваге рознь. Иное дело – прячась от пуль в укрытии, впервые в жизни отчаянно молиться: «О, Аллах, помоги, помоги, помоги мне! Не дай пропасть, не дай умереть! Я буду молиться тебе до конца своих дней и никогда не совершу греха!»

Курбан служил в Афганистане всего лишь месяц, и это был его первый бой. К счастью или к несчастью, он был и последним. Говорят, что иногда душа уходит в пятки. Видимо, там и находилась его душа в тот момент, когда разрывом гранаты ему оторвало ступню. А если учесть, что душа и совесть суть понятия равноценные...

Как показала его дальнейшая жизнь, отсутствие души и совести и стали определять его поступки в будущем.

Тогда, в ущелье, Всевышний услышал его и сохранил ему жизнь. Но его услышал и Искуситель: «Никогда не совершу греха...»

– Ну что ж, посмотрим, – ухмыльнулся он, сплюнув на окровавленный ботинок Курбана.

...Нет худа без добра. Тяжкое увечье, полученное на чужой, несправедливой войне, убрало тернии с его пути. По возвращении он без особых усилий был принят на юридический факультет Университета. Окончив его, быстро дослужился до судьи и очень скоро забыл обещание, данное Богу. Жизнь деревенского пастуха, полная лишений, осталась далеко позади. Она была нелегкой, и Курбан, от природы будучи готовым к трудностям, абсолютно не был готов к искушениям. А искушений для молодого человека, заветной мечтой которого когда-то была пара хорошей обуви, оказалось великое множество. Выросший на овечьем сыре и пресных лепешках, он не выдержал испытания деньгами – самого мощного оружия Беса.

Сейчас у Курбана есть все, что можно купить за деньги, но нет души и совести.

Совесть не мучает его, когда, беря мзду, он выносит заведомо несправедливое решение, а душа не болит, когда по этому решению чей-то ребенок остается на улице.

В последнее время он стал испытывать странное чувство: то ли тревоги, то ли беспокойства. Иногда кажется, что кто-то смотрит ему в спину. Оглядывается – никого. И эти дурацкие сны... Однажды приснилось, что стучат в дверь. Он подходит, открывает, а там – старый армейский ботинок. Снилось, что он молится в укрытии, но не помнит, не может вспомнить слов... Эх, да черт с ними, со снами! Всё, видать, нервишки. Чего не насмотришься за день на работе: крики, слезы, угрозы. «Глупые люди эти истцы и ответчики, глотку готовы друг другу перегрызть за какие-то паршивые «квадратные метры», – думает Курбан, сбрасывая протез и укладываясь спать в верхней спальне своего особняка, – было бы из-за чего судиться». Завтра он вынесет решение по этим «паршивым квадратным метрам», которые алчный родственник отсудит у сироты. А сегодня, пересчитав деньги, небрежно бросает их на тумбочку орехового дерева. Новый спальный гарнитур он купил к приезду жены из Анталии – это подарок ко дню рождения. Она, конечно, надует губки, и тогда он вынет из ящичка тумбочки бархатную коробочку с более желанным подарком – чудесным бриллиантовым кулоном на изящной цепочке. Курбан представляет, как заворачивают ее глазки!

...Отрезанная нога стала побаливать. Нет ее, а болит. Это, говорят, фантомные боли. Чертовщина...

– Сын просил опять какую-то электронную дребедень купить, – подумал он, засыпая. – А цены! Совсем совесть потеряли эти торговцы...

Кто черта помянет...

(Малюю-у-у-сенькая комедия)

Нетрезвый мужчина с трудом выбирается из вдребезги разбитого фантастически дорогого автомобиля.

Мужчина. Ч-черт!

Перед ним возникает черт.

Черт. К вашим услугам.

Мужчина. Вот черт!

Черт. Так точно!

Мужчина. Что происходит, черт побери?

Черт. Что именно?

Мужчина. Не понял...

Черт. Что побрать прикажете? Вас?

Мужчина. Черта с два!

Черт. Как вам будет угодно!

Возникает еще один черт.

Мужчина *(начинает сердиться)*. Да что вам от меня нужно?

Черт. Нам – ничего. Вы сами нас помянули.

Мужчина *(задумчиво чешет затылок)*. Так вы – вроде, как «двое из ларца»?

Черт. Ларец-не ларец, но услуги, как говорится, за счет заведения.

Мужчина *(обрадованно)*. Тачку почините?

Черт. В один миг!

Автомобиль стоит, как новенький.

Мужчина. Ишь-ты, какие вы быстрые! И дорого возьмете?

Черт. Абсолютно символическую цену – Вашу подпись под приглашением посетить наше заведение. В обозримом будущем. В любое удобное для вас время.

Мужчина. Черт с вами, согласен.

Тут возникает еще один черт.

Черт. Желание клиента – закон!

Мужчина *(недоуменно)*. Ну, братцы, вы меня вконец достали!

Мгновенно оказывается в преисподней.

Мужчина *(яростно)*. Тысяча чертей!

Вся тысяча чертей хором. Рады вас видеть!

Мужчина. Я что, умер?! Ах, дьявол!

Возникает дьявол.

Дьявол. Наконец-то! Я уже волноваться начал, что не помянули. Неужели, думаю, забудет? Ведь столько лет сотрудничаем! Что ж, добро пожаловать! *(вежливо указывает на огромный котел с булькающей черной жижей)*

Мужчина. Какое же это добро?

Дьявол. Самое что ни на есть настоящее добро. То, которое вы нажили. Просто там *(он делает неопределенный жест вверх)* оно выглядит иначе, а здесь *(обводит рукой пространство)* превращается в более однообразную субстанцию. Но, ничего не поделаешь, таковы правила.

Мужчина. Провалиться мне на этом месте, если я что-то понял!

Дьявол. А вот это, к сожалению, невозможно. Дальше некуда!

Мужчина. Проклятье!

Дьявол. Нет, скорее, цена. Разве вы не согласны с тем, что все имеет свою цену? Вы ведь и сами часто это повторяли. Но, смею вас заверить, в нашем бизнесе все четко, без обмана. Для нас это вопрос чести. Так что вашего тут *(он указывает на гудящий раскаленный котел)* ни больше, ни меньше – именно столько, сколько заслужили. Кстати, компанию мы вам подобрали вполне подходящую. Некоторые из ваших поделщиков уже здесь. Остальные будут по мере поступления.

Ангелы, наблюдавшие сцену со стороны. И ведь ни один до сих пор нас не помянул!

Прокарканное имя

Бригада древнеегипетских жрецов-патологоанатомов потрошила почившего фараона Фетхапсутараннаншатормета, растянутого на каменном ложе. Подготовка к длительному путешествию в Царство Мертвых шла неспешно и основательно: ТАМ у покойного не должно возникать никаких проблем! Жрецы заметно подустали. Даже Верховный жрец, которому по уставу церемонии надлежало без конца повторять имя усопшего, начал путаться, произнося это сложное для языка и слуха звукосплетение. Нет, чтобы назвать правителя коротко, как Хеопса или Сета! Досточтимые родители покойного думали, что длинное имя – залог длинной жизни. А он и тридцати лет не прожил, да примет его достойную душу Царство Мертвых! Верховный жрец так устал, что на какое-то время забыл о своих переживаниях по поводу преемника Фетхапсутараннаншатормета – его малолетнего и малоумного сына Надхамсхуммудшамета. О, боги! Неужто и этого нельзя было назвать короче?! Например, просто Хам или Муд. От длинного имени придурку ума не прибавится. Мать его, вдова почившего, хитра и ловка, как сто чертей. Нетрудно догадаться, кто в действительности будет править. А еще ходят слухи, брат покойного, Астарнахортamos, глаз на эту стерву положил.

Да уж, предстоит еще работенка Верховному жрецу!

Через несколько дней, когда закончились церемонии отпевания усопшего и воспевания взошедшего фараонов, Верховный жрец, сидя на террасе, наблюдал из-под полуопущенных век за вереницей слуг, разбиравших парадные атрибуты. Как он устал! Вдова фараона глаз с него не сводила во время церемоний. Их взаимная неприязнь давно выросла во взаимную ненависть. Оба слишком умны, чтоб терпеть друг друга у власти. Хвала Богам, никто не может читать его мыслей. Уж подивились бы жители благословенной Месры!

– Ведьма! – думал Верховный жрец о супруге усопшего. – Как ловко придумала! При таком длинном имени, ни одной буквы «Р»! Как же убедить народ в ее иудейских корнях? Как вызвать неприязнь к ее придурковатому сынку? Малый ведь не только слабоумен, но еще и картав. Мать умудряется говорить, избегая слов, вы-

дающих ее картавость. И дитяню научит! Тот, хоть и слабоумен, но красив. А народ падок до внешней пригожести. Любуясь красотой наследника, будут снисходительны к его дурусти. И даже станут сочувствовать. А этого никак нельзя допустить! Думай, думай, глиняная голова!

Верховный жрец перетряхивал в памяти козни своих хитроумных сподвижников и предшественников. Но ничего путного на ум не шло.

Заговоры, убийства, измены – все это слишком старо и примитивно. Да и результат порой бывает обратный.

– Кар-р-р! – уселся ворон на башенку у края террасы.

– Ну, ты еще тут мне покаркай! – проворчал Верховный жрец. Но вдруг, хлопнув себя по лбу, весело воскликнул: – Покаркай, покаркай еще, божественная птица!

Теперь он знает, что делать!

Утро следующего дня началось с обращения Верховного жреца к присутствующим в большом зале, где обычно принимают послов.

– Этой ночью не сомкнул я глаз, моля Богов о долгом и мудром правлении фараона. Услышан я был Богами! И сейчас оглашу вам их волю. Фараон прекрасен ликом, как Бог Ра, был знак мне от которого. Отныне, дабы и дела фараона были так же прекрасны, во славу и процветание благословенной Месры, пусть имя его содержит четыре солнца!

Мать фараона беспокойно заерзала, вцепившись в подлокотники смуглыми пальцами. Тень страха пробежала по ее лицу: «что задумала эта старая гиена?!..»

– Раферрахнашрапалшурамон – таково новое имя фараона! – продолжал Верховный жрец. – Принимаешь ли ты его, солнцеподобный? – обратился он к красивому недорослю, восседавшему на троне.

Это было так неожиданно, что у матери правителя пересохло во рту. Картавый фараон, произнося свое имя, каждый раз будет вызывать усмешки подданных. А для иностранцев он вообще будет катастрофой. Ее сын станет всеобщим посмешищем!

А фараон тем временем в знак согласия уже кивнул головой и, оглянувшись на мать, искал взглядом ее одобрения. Вдова одного и мать другого фараона, Муснахат откинулась в кресле, подзывая жестом лекаря, обреченно и тоскливо глядя на жреца-триумфатора. Фараон-недоумок прижимал к груди жезл и счастливо грезил, уподобляя себя Солнцу. А Верховный жрец с упоением представлял себе, как без устали будет повторять многомерное и замысловатое имя над распростертым телом фараона, когда священнослужители станут поливать его благовониями и бальзамическими маслами.

«Чудотворец»

Статуэтка Святого Филомистиса стояла в окружении свечей, искусственных цветов и прочей бутафории на небольшом домашнем алтаре. Волосы и плащаница семейного идолишки были свежевыкрашены по случаю праздника золотисто-желтой охрой, а глаза подсвечены голубой лазурью. Святой Филомистис держал в правой руке свой главный атрибут – дубовую веточку с тремя желудями. Левая была прижата к груди в знак благоволения и любви к пастве. Святой Филомистис – весьма узкопрофильный святой. Задуман он был некогда как покровитель нечистого на руки домочадца, обладавшего сильным даром убеждения. Вероятно, дело было так. Глядя прямо, не отводя невинных глаз от лица претерпевших убытки, воришка так красочно описывал некие «чудеса» и мистические казусы, сопровождавшие исчезновение ценностей и денег из семейных кубышек и ларцов, что не поверить было просто невозможно. Тогда-то и «привиделся» ему Святой Филомистис, порекомендовавший

водрузить на домашнем алтаре его изваяние и даже указал день принятия даров: каждая тринадцатая пятница от рождества Христова. И «примета» была весьма приметная: если до утра дары оставались на месте, значит – мало. Либо не расположен их принимать Святой Филомистис, и семья впредь будет терпеть убытки. «Чудесное» же исчезновение даров (главным образом, денег) до рассвета означало, что Святой Филомистис дары принял и благословил семейство на перспективу прибыли.

На этот раз дарница была полна. Хозяин дома не поскупился. Накануне сорвал он приличный куш и, возблагодарив Святого Филомистиса за покровительство, да желая задобрить его на будущее, наполнил резную чашу перед «святым» серебряными монетками. Сверху водрузил перстенок с небольшим розовым рубином. Дары от остальных домочадцев были поскромнее: бабка уложила к стопам «святого» атласный платок, хозяйка нацепила на него ниточку мелких гранатов, а сноха отдала покровителю барыша недорогой браслет сусального золота.

– Да будут приняты дары ваши, и вознаградит вас сторицей Святой Филомистис, – проворковал настоятель местного прихода, посетивший наемными хлебосольный дом. – Воистину, не оскудеет рука дающего и прибудет ей от щедрот господних.

Статуэтка Святого Филомистиса стояла на алтаре, сверкая золотистой плащаницей, томно возведя к небу лазуритовые очи. Кажется, он был доволен дарами, потому что легкая улыбка на его розовых устах, оживляемая солнечными лучами и бликами горящих свечей, казалась очень естественной.

Наконец, добропорядочное семейство отошло ко сну, а Святой Филомистис остался стоять в окружении свечей и теней, все так же прижимая руку к груди и закатив светлые очи. Когда последний огарок распластал в чаше-подсвечнике прозрачно-желтые останки и Святой Филомистис стал отбрасывать подрагивающие полутени, комната наполнилась неким странным, жутковатым шорохом. А может быть, шепотом... Нечто нематериальное, как бы прощупывая пространство, изучало комнату, а затем, приподняв и повертев в невидимых руках статуэтку, вновь поставило ее меж цветов и огарков.

– Сказано ведь: «Не сотвори себе кумира!» – то ли с насмешкой, то ли с осуждением произнесла тень-дымка, концентрируясь вокруг статуэтки. – Что же это, если не идолопоклонство?! Бог создал человека, а человек создал многобожие. Наплодили божков по своему образу и подобию! В этом суть человеческая – в поклонении тельцу видимому. Пусть даже и вором придуманному... Как вы меня называли, Филомистис? – хихикнула тень-дымка. – Ну, мистис, так мистис. Чудес жаждете? Получите!

Тихонько скрипнула половица, и в комнату пробрался хозяйский слуга. Воровато озираясь, он подошел к алтарю, протянул руку к дарнице. В этот миг дарница «подпрыгнула» в воздухе, и содержимое, обернувшись пеплом, разлетелось по всей комнате.

– Разве это твое? – были последние слова, которые услышал упавший замертво слуга. Рука его так и осталась вытянутой.

– Не возжелай чужого добра! Все богатства жаждете. Малым за большое откупиться хотите, идолопоклонники! Сто лет терпел вашу дурь! Отныне все на свои места расставлено будет: великому богатству – великая цена!

Утро началось с переполоха. Обнаружив в «алтарной» комнате бездыханное тело слуги, хозяева приписали это случайности. Но отсутствие даров никого не удивило. Никто даже не обратил внимания на едва заметный слой пепла на алтаре. Пыль, должно быть... Принял, стало быть, Святой Филомистис жертвенные дары! Слава Богу!

– Вот и попались вы, идолопоклонники, – спрятал в золотистой бороде ухмылку «Святой» Филомистис. – Дары мне, а слава – Богу! Ну, на том и порешим...

Бедная родственница

Белая крыса Маргоша лениво прохаживалась по своей просторной новой клетке. Она подергивала розовым рыльцем, изучая запахи и не обращая внимания на фарфоровую мисочку с отборными зернами, сдобренными салом. Сыта была. Тонкие прутья клетки сливались в подслеповатом зрении альбиноски в легкую дымку. Казалось, их и нет вовсе, да не удрать. Но такой замкнутый, уютный и сытый мирок Маргошу вполне устраивал. Тем более, что другого она и не знала. Хозяйка Маргошу любила и холила.

– Красавица, – ласково приговаривала хозяйка, беря ее в ладоши и поднося к своему лицу. – Голубка моя!

Маргоша обнюхивала хозяйский нос, довольно шевеля голым хвостом и суча чистыми теплыми лапками. Ей нравился запах хозяйки. К тому же он всегда сопровождался свежими зернами или сладкими витаминками.

Предшественницы Маргоши, две белые мышки, благополучно скончались от старости и были похоронены в саду между розовыми кустами.

У Маргоши, как у всех альбиносов, было плохое зрение, и сад виделся ей большим цветным пятном. С подоконника, где в теплые дни стояла клетка Маргоши, открывался другой, чужой и непонятный мир.

– Там лежат наши милые крошки, – печально говорила хозяйка, указывая пальцем на желто-зеленое пятно розовых кустов. Она вздыхала и продолжала: – Бедняжки! Мне так их не хватает!

– Какие же они бедняжки? – с возмущением думала старая пегая крыса, наблюдая за этими сценами из-за ветхого комода. – Без забот и страхов прожили беспечную жизнь и счастливо почили в старости! Не то, что их серая родня. Вот и этой ватной сардельке подфартило. Ни ума, ни смекалки, а живет, как сыр в масле катается! Зато нас травят и травят! А за что? И нам ведь жить хочется. А как орут, когда увидят! Неужто мы страшнее этих белых игольниц? Что, не вышли рылом? Так и мы гладкими да холеными стали бы при той жизни, что этим «сестричкам» досталась. Разве это справедливо? Одним крысам специальный корм с витаминами закупают, другим – специальный корм с отравой. Иногда он мясом пахнет. Но не дура же я, чтоб его есть! Вот Маргоша твоя поверила бы и слопала. Ей нет резона в хозяйской доброте и щедрости сомневаться. А я, хоть и не белая, зато умная, – заводила себя пегая крыса.

Зависть, обида, голод, страх и месть смешались в душе пегой крысы, как составляющие таких привлекательных с виду отравленных кусочков, которые выкладывались для нее в чулане в качестве «угощения».

– Ты думаешь, хозяйка тебя любит? – тихонько спросила она по-крысиному, топорща желтые усы, у Маргоши. Та тоже не спала по ночам. Ведь, что белая, что пегая, крыса, по сути, крысой и остается. Есть рычажки, которые природа не выключает даже для белых крыс.

– Притворяется она! – продолжала пегая крыса свой монолог, вперив черные глаза в глуповатые зрачки Маргоши. – Люди вообще притворщики и коварные создания. Если любит, почему держит в клетке? А чем она тебя кормит? Фи! Зерно с запахом сала! Ой, уморила! А мне, вот, разрешает жить, где хочу, кормит мясом и овощами. Смотри, – показала пегая крыса Маргоше пакетик из-под отравленных мясных кусочков. – Хочешь попробовать? Чуешь, как пахнет? Блаженство!

Маргоша тарасила в темноту розовые глазки, дергала влажным рыльцем и удивлялась чувству голода, которого никогда прежде так остро не испытывала. Фарфоровая мисочка, полная витаминизированных жирных зерен, оставалась нетронутой.

Но Маргоше вдруг ужасно захотелось тех мясных и овощных крошек, аромат которых исходил из пакетика пегой крысы.

– Не суетись, я дам тебе попробовать. Завтра. Сегодня они уже закончились. А завтра хозяйка купит свеженьких. Обязательно угощу тебя. Родня, как-никак. Да и жаль тебя, бедолагу. Вот так, всю жизнь в клетке! Какая жестокость!

На следующий день хозяйка не могла понять, что происходит с ее любимицей: от еды отказывается, соломку раскидала, мечется, как угорелая, из угла в угол. Даже пытается грызть стальные прутья клетки. Неужто захворала?

– Что с тобой, Маргоша? – обеспокоено вопрошала хозяйка. – Не заболела ли ты, милая?

Она попыталась взять Маргошу в руки, но та вдруг укусила ее за палец.

– Ай! – ужаснулась хозяйка неожиданной выходке Маргоши. – Кажется, ты, действительно, больна. Зря я не послушалась доктора и не сделала тебе прививку в прошлый раз. Но ничего, моя лапонька, сейчас мы тебя подлечим.

С этими словами она достала из картонной коробочки крошечный пластиковый флакончик с насаженной иглой и, крепко прижав свою любимицу к полу клетки, сделала ей инъекцию.

– Вот и все! – удовлетворенно сказала хозяйка. – Скоро-скоро наша снежиночка поправится и не будет больше кусать свою мамочку.

Ночью пегая крыса, осторожно подкравшись к Маргошиной клетке, внезапно возникнув из темноты, снова продолжила свой монолог.

– Убедилась? Видишь, как она тебя любит? За что иглу всадила? Разве ты больна? Им, людям, просто необходимо над кем-нибудь измываться! Правда, мне грех жаловаться, но за тебя обидно. Не горюй! Вот, принесла я тебе кое-что вкусненькое. Угощайся, – забросила пегая крыса в клетку Маргоши несколько крошечных кусочков отравленного мяса.

Маргоша с жадностью набросилась на них, мгновенно слопала и с мольбой в глазах просила еще. Надо же, как вкусно!

– Думаю, тебе хватит, – ухмыльнулась пегая крыса и исчезла так же внезапно, как и появилась, растворившись в темноте.

Утром хозяйка долго охала и ахала над трупиком Маргоши, не понимая, что могло стать причиной ее гибели.

Затем Маргоша была похоронена между розовыми кустами, рядом с белыми мышками.

Очень скоро в пустующей клетке Маргоши появилась новая хозяйка – морская свинка Эмма.

– Ничего-ничего, – думала старая пегая крыса, глядя на глупую морду жирненькой рыжей твари, – и с тобой поговорим. По-родственному. Как грызун с грызуном.

Синяя борода

Двадцать пар стройных ножек по всему периметру длинного, нежного тела сводили с ума песчаного скорпиона, когда юная сороконожка пробежала мимо норки, бросая в его сторону игривый взгляд прозрачных розовых глазок. Она была похожа на воздушную кружевную салфетку, что колышется на ветру. А ее переливчатая спинка искрилась на солнце, как янтарное ожерелье.

– Как она прекрасна! – думал скорпион, провожая ее влюбленными глазами и с трудом сдерживая напряжение в ядовитой петельке хвоста. – Само совершенство! Ни одна бабочка в мире не согдилась бы и в подметки каждого из сорока ее баш-

мачков. О, какое счастье, что она их не носит! Прятать такую красоту в грубой обуви, разве это не преступление?

И вот, набравшись с духом и предварительно скушав для храбрости перебродившую винную ягоду, скорпион преградил, наконец, путь янтарной сороконожке.

– Выходи за меня, красавица! Я буду устилать незабудками землю под твоими славными ножками и сдувать с них пыль, о, богиня грез моих.

Сороконожка сначала опешила. Не ожидала она, что скорпион способен на такое романтическое признание. Теперь он не казался уже таким зловещим и не-симпатичным. И даже наоборот: а ведь он по-своему хорош!

– Ты предлагаешь мне стать твоей женой? Я согласна. Но могу ли я просить свадебный подарок?..

– Проси, чаровница!

– Как хотелось бы мне иметь туфельки, сшитые из крыльев голубых стрекоз!

– М-м-м... Так ведь их должно быть двадцать пар... Зачем они тебе? Твои ножки так хороши!

– Я хочу! – топнула сороконожка правой дюжиной ножек и надула губки. – Иначе не стану твоей женой!

– Не станешь женой – станешь добычей, – холодно произнес скорпион и тот-час сожрал кокетливую сороконожку.

Все произошло так молниеносно, что бедная сороконожка и ахнуть не успела. А скорпион, собрав клешнями соломинки ее ножек в кучу, улегся спать на ней, прикрыв сверху ножки-соломинки фиолетовым крылышком глупой бабочки, отвергнувшей его любовь прошлым летом. Скажите пожалуйста, отказалась жить в его норке! Цветочную поляну запросила! Он отшвырнул клешней покореженную половинку надкрылка божьей коровки.

Да-а, пора навести порядок в норе... Помнится, та божья коровка, хоть и попроще была, а туда же – подарок к свадьбе подавай. Какие-то конфетки. Все вспоминала дурацкий стишок: «Там твои детки кушают конфетки». А сама так и не смогла толком объяснить, что это такое. Жаль. Хозяйкой в норе была бы отменной.

Гусеница жеманно выгнула желтую спинку с пурпурным пятнышком, когда песчаный скорпион, от которого исходил едва уловимый запах перебродившей винной ягоды, преградил ей путь.

– Согласна ли ты стать моей женой, несравненная? Это пурпурное пятно на твоей спинке похоже на мое сердце, которое ты уносишь с собой, каждый раз удаляясь от моего порога!

У гусеницы голова пошла кругом от таких слов. Ах, как он мил, этот таинственный скорпион! Так красиво говорит, а глаза прячет. Смущается, наверное.

– Я согласна, согласна! Но я хотела бы получить подарок к свадьбе. Серебряный поясик. Я слышала, земляные паучки ткут такие.

– .....

– .....

Последнее яйцо курочки рябы

– Та-ак, еще одно... Ну, погоди, курвочка Ряба, отправлю я твои ляжки на «стратегический запас»! – косясь на клеть с павлинами, возмущался петух, когда курочка Ряба снесла еще одно золотое яичко. – И что теперь ты скажешь, вертихвостка вислозадая? В прошлый раз повезло тебе, что мышь золотое яйцо разбила, и не успела ты его высидеть. Но уж это сам стеречь буду! Поглядим, какой лебедь из него вылупится!

Курочка Ряба тем временем вертела невинными карими глазками-бусинками и безрезультатно пыталась пробиться к золотому яичку сквозь кордон распластанных крыльев разъяренного петуха. Он отшвыривал бедную курочку, поддавая когтистыми лапами, украшенными острыми шпорами. Курочка, жалобно кудахча, встряхивала пёрышки и вытягивала шею, ища поддержки обитателей птичьего двора.

Но не тут-то было! Пернатая родня, дальняя и ближняя, уже стекалась в полукруг, предвкушая грядущее зрелище и строя домыслы и предположения. Все ждали развязки. Больше всех закручивающаяся интрига волновала индюков. Вся эта в перспективе снесь и содержимое кастрюль и подушек вовсе не была заинтересована в благополучном исходе.

– А как же! Доколе эта невзрачная несушка будет так неза заслуженно обласкана? Не многовато ли почета этой кривоногой квочке за то, что изредка несет блестящие яйца? Еще проверить надо, золотые ли, – перекрякивались и перехрюкивались Рябины соседи, не испытывая ни малейшего сочувствия к бедной курочке.

– Мои индейки яйца несут втрое крупнее этой воробьихи, а их одну за другой на кухню отправляют, – ворчал чёрный индюк, раскрыв веером полосатый хвост и тряся красным кожистым отростком клюва.

– А помните серую гусыню, что яйца несла с двумя желтками? Так и ее под рождество, в том году, яблоками набили до зоба, – укоризненно качала головой жирная индоутка и с обидой добавляла: – Кому на этот раз жребий выпадет? Измаялись в страхе...

– Погоди, погоди, придет чучельник по твою душу! – крутил петух рыжим глазом, глядя на клеть с павлинами. – Будешь чужих кур топтать, коромысло хвостоглазое!

Павлин же, надменно выгнув переливчатую шею, важно прохаживался по просторной клетке, не обращая внимания на гвалт и гогот птичьего двора. Его гарем из полудюжины павлинок высиживал в закутках клетки свои серо-бурые яйца. Надо сказать, среди них не было ни одного золотого. Но это никого не удивляло.

Интрига вокруг золотого яичка курочки Рябы набирала обороты. Несла бы себе обычные яйца – так нет же, угораздило ее отличиться! Так ей и надо, пусть знает свое место!

Две недели, лишённая возможности высиживать драгоценное яичко, курочка Ряба уныло кудахтала неподалеку. А яйцо, лишённое Рябиного тепла, блекло и тускло. Так из него ничего и не вылупилось...

С тех пор курочка Ряба, подавленная общественным мнением, перестала нести золотые яйца. И очень скоро мелковатую и непородистую курочку ощипали и отправили на кухню...

Зато обитатели птичьего двора были удовлетворены, и жизнь здесь потекла своим чередом. Без разнообразия и чудес.

